

ЕКАТЕРИНА СВЕТ
ТАНЯ БЕЛКОВА

МОЙ ВРАЧ СКОРОЙ ПОМОЩИ

Ночная сирена

Таня Белкова

**Мой врач скорой
помощи. Ночная сирена**

«Автор»

«Автор»

2026

Белкова Т.

Мой врач скорой помощи. Ночная сирена / Т. Белкова —
«Автор», «Автор», 2026

Я отказалась от протекции отца-академика и пришла на самую тяжелую подстанцию скорой помощи. Старший врач Арсений Волгин сомкнул мое направление: «Мне нужен мужик, а не девочка с кафедры». У меня две смены, чтобы доказать обратное. У него — боль, которую он прячет за грубостью, и привычка никого не подпускать. Ночные вызовы, опасные подвалы, горячий чай у реанимобиля. Я учусь доверять его рукам, а он — мне. Только чиновник из горздрава уже готовит удар: закрыть нашу бригаду, лишит нас работы и права спасать людей. Волгин привык заслонять меня собой. Но теперь я не отступлю за его спину. Даже если ради него придется пойти против тех, кто привык решать чужие судьбы.

© Белкова Т., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Екатерина Свет

Мой врач скорой помощи. Ночная сирена

Мой врач скорой помощи. Ночная сирена

Екатерина Свет и Тania Белкова

Глава

1

Слякоть конца октября в нашем городе пахнет мокрой сажей и безнадежностью. Ледяной дождь со снегом хлестал в стекло дребезжащего троллейбуса, когда я вышла на конечной у промзоны. В руке оттягивала плечо сумка со сменной формой, личным фонендоскопом и выглаженным халатом, который здесь, как я уже знала, никому не понадобится.

Четвертая подстанция скорой помощи встретила меня глухим бетонным забором, побитыми «Газелями» и запахом, от которого перехватывает горло: смесь карболки, мазута, паленого сцепления и остывшего растворимого кофе. Самая тяжелая подстанция миллионника. «Штрафбат», куда отправляли либо фанатиков, либо неисправимых бунтарей. Я пришла сюда добровольно.

В кабинете заведующего Ильи Борисовича Рогова висел сизый табачный дым. Сам Рогов — грузный старик с отеками веками — сидел за заваленным столом. А напротив него, опершись кулаками о столешницу так, что трещало оргстекло, возвышался тяжелый, монолитный силуэт мужчины, от одного вида которого веяло глухой физической силой.

Арсений Волгин. Старший врач реанимационной бригады БИТ-1.

Широченные плечи под темно-синей штормовкой с выцветшими полосами, стриженный под ноль затылок с косым белым шрамом за ухом. Когда дверь скрипнула, он медленно повернул голову. Глаза у него были цвета замерзшей речной воды — тяжелые, немигающие, выжженные изнутри. На правой руке костяшки пальцев были сбиты в темные, грубые мозоли.

— Илья, ты надо мной издеваешься? — голос Волгина перемалывал гравий. — Мне в бригаду нужен мужик, который носилки на девятый этаж без одышки затащит и зубы в драке выставит. А ты мне кого суешь? Девочку с кафедры с красной корочкой?

Мое министерское направление лежало перед ним. Волгин даже не дочитал — скомкал и швырнул в корзину.

— Доктор Волгин, — я сделала шаг вперед, глядя ему прямо в переносицу. — Меня зовут Кристина Владимировна Мельникова. Врач анестезиолог-реаниматолог. И я пришла сюда работать, а не выслушивать хамство.

— Работать? — он развернулся всем корпусом, обдав меня холодом и запахом крепкого табака. Смерил взглядом с головы до мокрых ботинок. Рост метр семьдесят, собранные в тугий пучок темно-русые волосы. Для него я была пустотой. — Ты хоть раз видела, как человек захлебывается собственной кровью при переломе основания черепа? Рухнешь в обморок на первом трупе, а мне отвечай. Рогов, отправь ее на детскую линию.

— Арсений, помолчи, — устало выдохнул Рогов, прижимая ладонь к сердцу. — После гибели Игоря к тебе никто не идет. Месяц бригада в некомплекте.

При имени погибшего напарника челюсти Волгина сжались до желваков. Об Игоре я слышала еще до перевода: год назад молодой фельдшер погиб на ночном вызове, закрыв Арсения от ножа. Подробностей никто не рассказывал. С тех пор Волгин выживал со смены каждого нового напарника.

— И это не все, — Рогов достал бумагу с гербовой печатью. — Распоряжение замглавы горздрава Логинова. Оптимизация. Логинов спит и видит, как закрыть нашу реанимацию в

пользу фельдшеров. Дешевле ему. Если Мельникова не пройдет испытательный срок за две смены или поступит жалоба — ставку второго врача БИТ-1 снимут с подстанции навсегда.

Волгин с глухим рыком врезал кулаком по столу:

— Логинов... Гнида кабинетная. Решил нас тихо придушить. — Он снова повернулся ко мне, прожигая яростным взглядом: — Значит так, Мельникова. Играть в поддавки не стану. Если облажаешься хоть на секунду, если дрогнет рука со шприцем — я лично вышвырну тебя за ворота с волчьим билетом. Поняла?

— Предельно, доктор Волгин. Где расписаться за вводный инструктаж?

Он криво усмехнулся и зашагал по коридору:

— За мной. Проверим матчасть на ходу.

Мы шли по выкрашенному казенной краской коридору. Волгин чеканил шаг армейскими берцами:

— Женщина, тридцать лет, падение с четвертого этажа. Давление шестьдесят на сорок, пульс сто сорок. Живот доскообразный. Твои действия?

— Геморрагический шок третьей степени, разрыв селезенки, — четко ответила я, не сбивая дыхания. — Два катетера G14 или G16 в вены. Струйно кристаллоиды и коллоиды три к одному, подогретые до тридцати семи градусов. Транексам — грамм внутривенно болюсно. Обезболивание — фентанил после восполнения ОЦК. Кислород через маску с резервуаром.

— Темп инфузии норадреналина при стойкой гипотонии?

— Ноль целых две десятых микрограмма на килограмм в минуту через дозатор, титруем под контролем среднего давления не ниже шестидесяти пяти.

Волгин замер у женской раздевалки так резко, что я едва не врезалась в его спину. В его глазах мелькнуло удивление, тут же скрытое маской:

— Книжки зубрить умеешь. Посмотрим, что останется от формул, когда железо будет резать живое мясо. Форма в третьем шкафчике. Пять минут.

Выданная синяя куртка с надписью «БИТ-1» оказалась пятьдесят второго размера. Я перехватила широкие манжеты пластырем, утянула пояс и пристегнула к бедру личный органайзер: прямой клинок Miller со светодиодом, ножницы Листера, катетеры и ампульницу.

В гараже гудели моторы. Наш реанимобиль — тяжелый Mercedes Sprinter — стоял у распахнутых ворот. У капота курил седоусый крепыш в замасленной жилетке.

— Здорово, дочка. Михалыч я, — прищурился водитель. — Арсюха у нас медведь контуженый, но дело знает. Ты главное в салоне за верхний поручень держись. Я по перекресткам тормозить не приучен.

— Привыкну, дядя Миша.

Под потолком взвыл ревун, и динамик разорвал тишину:

— Бригада БИТ-1! Промзона «Тяжмаш», компрессорный цех номер два! Обрушение конструкций, тяжелая травма, человек без сознания!

Волгин с чемоданом вылетел из бокса:

— По машинам!

* * *

Едва захлопнулась дверь, Арсений щелкнул тумблером дефибриллятора-монитора LifePak-15. Экран мигнул желтым значком батареи: «Заряд 15%. Замените аккумулятор».

Волгин грязно выругался, ударив по прибору:

— Вторая смена сдала аппарат разряженным! Батарея пустая, на один разряд не хватит! Стой, Михалыч! Без резерва мы с завода труп привезем!

Он выскочил обратно в бокс. Я бросилась следом.

Мы влетели в сейфовую комнату. За конторкой восседала старший фельдшер Тамара Васильевна — сухопарая дама пятидесяти лет в золотых очках на цепочке, хранительница всех наркотиков и оборудования станции.

— Васильевна, открывай второй сейф! — крикнул Волгин. — Запасной блок к «Лайф-паку» и две ампулы Метализе! На заводе тяжелая травма, шок!

Тамара Васильевна даже не подняла глаз от грессбуха:

— Не положено, доктор Волгин. Резервные аккумуляторы и тромболитики опечатаны под ревизию Логинова. Без письменного разрешения Рогова с круглой печатью сейф не открою. Ждите утра.

— Человек умирает! — взревел Арсений, вцепляясь в решетку. — На мониторе пятнадцать процентов! Если начнется фибрилляция, чем я его стрелять буду?!

— Инструкция для всех одна, — отчеканила она, пряча ключи в карман. — Рогов уже уехал на совещание. А я под статью о растрате не пойду.

Я протиснулась вперед и положила ладони на ее журнал:

— Тамара Васильевна, посмотрите на меня. Врач Мельникова. Статья тридцать седьмая закона триста двадцать три обязывает нас спасти жизнь безотлагательно. Если пациент погибнет из-за отказа аппарата, Следственный комитет квалифицирует это по статье сто двадцать четвертой УК РФ — неоказание помощи больному со смертельным исходом. До четырех лет тюрьмы с запретом на профессию. И первой обвиняемой пойдете вы, как лицо, удержавшее технику.

Фельдшерица побледнела:

— У меня приказ...

— Доставайте журнал экстренного изъятия, — мой голос звенел сталью. Я достала личный штамп и впечатала синий оттиск «Врач Мельникова К.В.» прямо в графу особых отметок. — Роспись под мою личную уголовную ответственность. Ключи на стол.

В дверях грохнула монтировка — в проеме вырос Михалыч:

— Васильевна, не дури! Девка дело говорит! Мужик на заводе кончается, грех на душу не бери! Отдавай батарею, пока я замок монтировкой не свернул!

Тамара Васильевна судорожно достала ключи и повернула ригель сейфа. Нервным движением она вытащила увесистый литий-ионный блок и жестяную кассету с ампулами Метализе стоимостью под сто тысяч рублей.

— Забирайте! — бросила она в сердцах.

Ее пальцы соскользнули, и кассета с ампулами полетела углом вниз, на растрескавшийся бетон.

Волгин не успевал перехватить.

Я сработала на чистом рефлексе: выбросила тело вперед в резком гимнастическом падении, ударившись коленом о ледяной пол, и вытянула ладонь у самого низа. Металлический край больно врезался в пальцы, содрал кожу, но кассета замерла в пяти сантиметрах от бетона. Целая. Ни единой трещины.

В тишине слышно было только, как капает кран.

Я поднялась на ноги, отерла пыль с кассеты и передала ее онемевшему Волгину.

Тамара Васильевна смотрела на меня широко раскрытыми глазами, прижимая руку к груди:

— Ловкая, чертовка... Забирайте батарею, Мельникова. И вернитесь живыми только.

Волгин шелкнул фиксатором, загоняя аккумулятор в LifePak-15. На панели ярко загорелся зеленый диод: «Заряд 100%». Он бросил на меня тяжелый, ошеломленный взгляд из-под бровей:

— В машину. Время.

Глава

2

Перед выездом Михалыч попросил диспетчера вызвать к заводу полицию: адрес был слишком хорошо знаком. Сирена выла над ночным городом, разрезая темноту синими вспыш-

ками. Михалыч вел «Спринтер» на пределе: машина перелетала через рельсы, входя в повороты с визгом резины. Я сидела, вцепившись в поручень и удерживая ногами чемодан с инструментами.

Промзона «Тяжмаша» выглядела кладбищем гигантов: черные туши заброшенных цехов, ржавые краны, бурьян из-под бетонных плит. Михалыч пробил завал строительного мусора и затормозил у низкого пандуса с вывеской «Компрессорная № 2»:

— Дальше хода нет, трубы упали. Я на развороте стою, мотор грею. Если что — жмите тревожную на рации.

Волгин выскочил наружу, натягивая налобный фонарь:

— Мельникова, остаешься в машине. Приготовишь инфузию. Там мазут по колено и контингент жуткий.

— На политравму одному не ходят, доктор Волгин, — я прыгнула в мерзлую глину следом, закинув за спину рюкзак и подхватив переносной кислородный баллон. — Вдвоем носилки понесем. Работаем в паре.

Он сжал челюсти, но спорить не стал:

— Под ноги смотри. Не отставать.

Спуск в подвал компрессорной напоминал разлом. Лестница осыпалась, ржавая арматура торчала копиями, снизу несло мазутом, сыростью и тлеющей проводкой.

Волгин шагнул первым. На мокром швеллере его нога сорвалась. Массивная фигура качнулась назад над трехметровым провалом с торчащими уголками.

Я среагировала мгновенно: бросила баллон на верхнюю площадку, обеими руками вцепилась в стальной карабин его разгрузки и уперлась мысками берцов в стык плиты. Плечи обожгло резкой болью от рывка, но я удержала его вес. На секунду мы замерли щека к щеке; его горячее, прерывистое дыхание коснулось моей кожи.

— Держу, — выдохнула я сквозь зубы. — Ногу вправо на швеллер ставь!

Арсений нащупал опору и поднялся. Я забрала баллон с площадки. Он взглянул на мои побелевшие пальцы на карабине и хрипло бросил:

— Хватка у тебя железная. Пошли.

Мы прыгнули в затопленный зал. Ледяная черная жижа доходила до щиколоток. В углу, под рухнувшими воздуховодами, на досках лежал парень лет двадцати двух. Комбинезон разорван, лицо серое от липкого пота, правая половина груди неестественно вздута, а из раны со свистом и хлопаньем хлестала алая пена.

— Проникающее ранение груди, напряженный пневмоторакс, — оценила я, опускаясь на колени прямо в жижу. — Пульс сто шестьдесят, нитевидный!

Волгин раскрыл чемодан, когда из темноты за колоннами раздался пьяный хохот:

— Опа... Гости с мигалками пожаловали.

Луч фонаря выхватил троих в грязных ватниках. У одного был обрезок водопроводной трубы, у второго — строительный лом. А третий, жилистый главарь с наколкой-перстнем, крутил в руке самодельную стальную заточку:

— Слышь, айболиты. Пацана оставьте, ему все равно крышка. А чемоданчик открывайте. Ампулы с кайфом сюда, бабки на бочку, и валите, пока целы. Девку можете оставить, согреем.

Волгин медленно поднялся во весь исполинский рост:

— Отойди от носилок, мразь.

— Ты кому дерзишь, падла?! — взвизгнул главарь и выбросил руку с заточкой снизу вверх, метя Арсению прямо в горло.

Волгин в узком проходе между трубами не успевал уклониться.

Я не рассуждала. В правой руке был тяжелый металлический фонарь Maglite. Я шагнула наперерез и с разворота корпуса со всей силы рубанула ребром фонаря по лучезапястному суставу бандита.

Раздался сухой хруст ломающейся кости.

Главарь взвыл от дикой боли, роняя заточку в жижу. Двое других с матом двинулись вперед, занося трубы.

В ту же секунду я сорвала колпак с пятилитрового кислородного баллона у ног и повернула вентиль высокого давления настезь.

С реактивным ревом струя сжатого под давлением ста пятидесяти атмосфер кислорода вырвалась наружу. Ледяной смерч белого пара с температурой под минус пятьдесят градусов ударил прямо в лица нападающим. Ослепленные, задыхающиеся маргиналы с воплями отлетели назад, роняя железо в воду и растирая обожженные холодом глаза.

— Назад! — мой голос звенел яростью. Я перекрыла вентиль и встала перед ними во весь рост: — Кислород под давлением! При малейшей искре здесь все взлетит к чертям! Сгорите заживо!

Они вжались в стену, глядя на меня с животным ужасом.

Я схватила воющего главаря за шкирку ватника:

— Слушай сюда! Твой дружок умрет через три минуты! А ты сядешь по сто пятой за соучастие в убийстве и нападение на врачей на пятнадцать лет строгого режима! Хватай петли носилок и тащи наверх, живо!!

Опешивший бандит послушно вцепился здоровой рукой в лямку.

— На раз-два — подъем! — скомандовал Волгин. В его взгляде вспыхнуло бешеное уважение к соратнику, прошедшему рукопашную.

Мы вынесли раненого по лестнице. Наверху бандита приняли подоспевшие полицейские; двое его дружков остались в подвале. Михалыч монтировкой выбил заклинившую створку двери, освобождая путь к машине:

— В салон его, быстро!

* * *

Двери захлопнулись, и реанимобиль сорвался с места с визгом покрышек. Я упала на колени у изголовья носилок. Парень на каталке умирал.

Лицо приобрело свинцовый оттенок, трахея на шее сместилась влево, подкожная клетчатка раздувалась пузырями — эмфизема стремительно уродовала черты. Пульсоксиметр верещал: сатурация 58%, пульс 145, давление — 55 на 20.

— Напряженный пневмоторакс справа! — крикнула я. — Воздух накачивается в плевру, полая вена пережата! Остановка сердца!

— Интубирую! — Волгин достал штатный ларингоскоп с клинком Macintosh 4, разжал челюсти парня и завел металл в ротоглотку.

Машина подскочила на ухабе — и свет на кончике клинка моргнул и погас.

— Черт! Контакты в рукоятке окислились от подвальной сырости! — в бешенстве выкрикнул Арсений, яростно тряс прибор. Лампочка не зажигалась. В глотке стояла сплошная багровая тьма. Парень выгнулся дугой и обмяк — агональное апноэ.

— Отойди! — я оттолкнула локоть Волгина.

Моя рука расстегнула набедренный чехол. Личный клинок Miller номер три со сверхъярким светодиодом. Щелчок — и салон озарил чистый белый луч.

Я завела прямой клинок по средней линии, прижимая надгортанник одним точным движением. Белый свет высветил сомкнутые связки.

— Санация! — крикнула я. Волгин убрал пену аспиратором.

Трубка 7.5 с синей полосой скользнула между связок ровно на двадцать два сантиметра:

— В трахее! Раздуваю манжету! Качай!

Волгин сжал мешок Амбу, но правая половина груди не шелохнулась. Наоборот, купол ребер справа натянулся барабаном. Воздух через рану бронха уходил в плевру, превращая легкое в комок и сжимая сердце.

Монитор выдал протяжный писк: пульс рухнул до тридцати. Остановка эффективного кровотока.

— Скальпель! — заорал Волгин. — Вскрою межреберье вслепую!

— С ума сошел?! — я намертво вцепилась в его руку со скальпелем. — Нас бросает из стороны в сторону! Одно движение — и ты снесешь внутреннюю грудную артерию! Он истечет кровью за двадцать секунд! Не смей резать!

— Он умирает, Кристина!

— Смотри на меня!

Я выхватила оранжевую иглу катетера G14 длиной пятьдесят миллиметров. Зубами вскрыла пачку перчаток, ножницами Листера отсекла палец, натянула на канюлю и срезала кончик резины. Клапан Бюлау.

Машину кинуло в занос на набережной, но мои пальцы работали с ювелирной точностью.

Второе межреберье по среднеключичной линии справа, строго по верхнему краю третьего ребра.

Я зафиксировала межреберье и навалилась всем весом на иглу.

Сухой хруст пробитой плевры — и с оглушительным свистом наружу рванул фонтан сжатого воздуха с кровавой пеной!

Резиновый палец перчатки на игле мгновенно раздулся и с хлопком стравил давление. На вдохе резина слипалась, запирая вход воздуху, на выдохе — раскрывалась, выводя избыток. Давление в плевре рухнуло.

— Воздух ушел! — закричала я. — Легкое расправляется! Качай, Арсений!

Волгин сжал мешок Амбу — и обе половины грудной клетки поднялись симметрично и глубоко.

Монитор замолчал, а затем ожил мерным звуком: «Пик... пик... пик...».

Пульс: 68... 82 удара. Синусовый ритм.

Давление: 95 на 60... 110 на 70!

Сатурация: 78%... 89%... 96%!

Свинцовая синева сошла с лица парня, сменившись живым розовым цветом. Он сделал первый глубокий вдох под трубку. Живой!

Волгин медленно опустил руки. Его грудь тяжело вздымалась, по лицу тек пот, смешанный с копотью. Он посмотрел на дрожащий резиновый клапан над ключицей парня, потом перевел взгляд на меня.

В его серых глазах плескалась темная, горячая бездна.

— Мельникова... — выдохнул он тихо, стирая пот рукавом. — Ты где этому научилась?

— На кафедре реанимации, доктор Волгин. С отличием, если забыли.

Волгин коротко, хрипло усмехнулся — впервые за вечер — и покачал головой:

— Черта с два тебя Логинов отсюда выживет. Я ему лично этот клапан в глотку затолкаю.

Глава

3

Машина вылетела на мост. Снежная крупа секла стекла. Впереди горели стоп-сигналы глухого затора: длинномер развернуло поперек трех полос перед Первой городской больницей.

— Заперто! — крикнул Михалыч. — Минут пять потеряем!

— Дядя Миша, вправо бери! — крикнула я в перегородку. — Перед мостом технологический съезд на трамвайные пути! Рельсы в бетоне, «Спринтер» пройдет впритирку! Я на этой линии в интернатуре дежурила!

— Ай да умница! — Михалыч крутанул руль. Реанимобиль подпрыгнул на бордюре, пронесся по пустынным путям мимо пробки и через две минуты затормозил у шокового зала травмоцентра.

Створки распахнулись. Мы выкатили носилки на сверкающий кафель. Из ординаторской вальжной походкой вышел дежурный торакальный хирург в белоснежном фартуке поверх шелкового костюма.

Он глянул на трубку, скользнул по ключице и скривился:

— Это что за самодеятельность? Кто разрешил дырять плевру кустарной иглой с резиновым пальцем? Снова четвертая подстанция средневековьем балуется?

Я шагнула вперед, заслоняя каталку:

— Пациент с проникающим ранением груди, напряженным пневмотораксом, осложненным коллапсом и клинической смертью. Интубирован клинком Miller номер три, трубка семь с половиной. Выполнена декомпрессия во втором межреберье по среднеключичной линии катетером G14 с лепестковым клапаном строго по протоколу ATLS. Сброшено двести пятьдесят миллилитров воздуха и крови. Давление сто десять на семьдесят, сатурация девяносто шесть, синусовый ритм. Распишитесь в карте вызова номер четыреста двенадцать, доктор. И не тратьте время — парню нужна срочная торакотомия.

Хирург осекся. Щеки его залились краской. Он взял фонендоскоп и выслушал легкие парня: справа ровно и чисто шумел воздух. Пульсоксиметр выдавал идеальную волну.

— Кто интубировал и дренировал? — тихо спросил он. — Волгин?

Арсений шагнул вперед, положил тяжелую ладонь мне на плечо и произнес с глухой гордостью:

— Мой второй врач — Кристина Владимировна Мельникова. Лично. И если бы не ее «средневековье», вы бы сейчас писали протокол вскрытия. Принимайте больного.

Хирург молча достал личную печать, припечатал бланк и кивнул:

— Отличная работа, коллега. В операционную, бегом!

Каталку укатали. В шоковом зале наступила тишина.

Мы вышли на пандус. Дождь утих, с реки тянуло свежим речным ветром. Я прислонилась к теплому борту «Спринтера», чувствуя, как ноги наливаются свинцом, а пальцы мелко дрожат от спадающего адреналина.

Волгин подошел молча. Внезапно он осторожно перехватил мое правое запястье и бережно закатал рукав синей куртки.

На предплечье темнела глубокая рваная ссадина, покрытая запекшейся кровью — след от арматуры в подвале, когда я удерживала его от падения. В горячке я даже не почувствовала боли.

— Почему молчала? — негромко спросил он. В его голосе не осталось грубости — только глухая тревожная нежность, от которой по коже побежали мурашки.

— Не до того было. Царапина.

— Дура ты, Мельникова, — пробормотал он без тени обиды. Достал спиртовую салфетку, подушечками пальцев бережно смыл грязь и кровь и наклеил пластырь. Его огрубевшие, шершавые пальцы касались моей кожи так осторожно, словно боялись сломать.

Затем он отвинтил крышку походного термоса и налил темно-янтарный чай. От него пахло чабрецом, мятой и смородиной.

— Пей. Согрейся.

Я взяла горячую крышку обеими руками. Первый глоток разлился по телу спасительным теплом, снимая железный зажим с горла:

— Спасибо, Арсений.

Он посмотрел на меня сверху вниз. В полумраке фонарей лицо со шрамом казалось каменным, но в серых глазах больше не было льда — там горел ровный, глубокий огонь.

— С этой минуты на всех вызовах встаешь со мной к первому столу, Кристина, — произнес он веско. — Ты доказала право быть здесь. И плевать мне на Логинова. Мой напарник — ты.

Из кабины высунулся Михалыч, жуя сухарик:

— Эй, орлы! Диспетчер передала: на шестнадцатизатжке в новом ЖК «Северная Звезда» конструкции трещат, жилыцы трещины в стенах находят. Логинов велел вызовы придерживать, но чувствует мое сердце — полыхнет эта стройка к чертям. По коням, на базу пора, смену сдавать!

Мы переглянулись с Арсением. Над рекой поднимался утренний туман. Я знала: впереди нас ждет тяжелая битва. Но теперь мы стояли плечом к плечу.

* * *

Холодный розовый рассвет пробивался сквозь закопченные верхние фрамуги гаражного бокса, когда наш «Спринтер» со скрипом замер над смотровой ямой. Мотор заглух, и в наступившей тишине стало слышно, как гудят уставшие мышцы и потрескивает остывающий радиатор.

Мы с Михалычем размотали резиновый шланг, подключенный к магистрали. Ледяная тугая струя со свистом сбивала рыжую глину промзоны и бурые капли с подкрылков. Руки у меня занемели, мокрые берцы хлюпали, но внутри звенела чистая, ясная струна победы: рабочий с «Тяжмаша» был жив и сейчас дышал на операционном столе.

Из бокса выездной мойки вынырнул водитель сменной шестой бригады — одутловатый мужик с перегаром и недовольной физиономией. Он заглянул в салон через распахнутую боковую дверь, брезгливо фыркнул:

— Ну и свинарник развели! Носилки в кровянице, на полу мазут... Эй, новенькая, бери ведро и драйте с Михалычем пол, пока смена не пришла. Мне на такой помойке выезжать не с руки.

Я выпрямилась, готовая спокойно ответить и взять швабру с хлорамином — в интернатуре мне не раз приходилось отмывать шоковые залы, и ложной гордости во мне не было. Но Михалыч среагировал быстрее.

Водитель шагнул вперед, перехватил рукоятку швабры и с глухим стуком припечатал ее к бетонной стене в пяти сантиметрах от носа сменщика:

— А ну пасть захлопни, тюлень гаражный! — рявкнул дядя Миша так, что под потолком отозвалось эхо. — Девчонка пацана с того света на ходу выдернула, плевро пробила, бандитов в подвале разогнала! А ты ее в поломойки записываешь? Если у тебя руки из карманов не вынимаются, сам бери тряпку и драй! А рот на нашего врача еще раз откроешь — монтировку плашмя пропишу!

Из диспетчерской вышел Волгин. Он снял налобный фонарь, окинул взглядом сжавшегося водителя и негромко бросил дежурному механику:

— Салон обработает санитарная смена по приказу номер пятьсот пять. С этой минуты реанимобиль БИТ-1 заправляется и моется в первую очередь. Вопросы есть?

Механик торопливо закивал и потащил сменщика за рукав в подсобку.

Арсений подошел к капоту «Спринтера», держа в руках три граненые кружки с крутым кипятком. От темного настоя поднимался густой пар, пахнувший сахаром, индийским чаем и сухим чабрецом. Он молча протянул одну кружку мне.

— Спасибо, доктор Волгин. Мне надо бежать оформлять карту вызова...

— Стой, — он властно, но без грубости накрыл мою ладонь своей тяжелой горячей рукой, заставляя пальцы обхватить стекло. — Сначала пей. Дрожащие от усталости руки врача — прямая угроза для следующего больного. Это закон линии, Мельникова. Пей.

Тепло кружки обожгло ледяные пальцы, возвращая к жизни. Я сделала жадный глоток: сладкий терпкий чай разлился по пищеводу живительным огнем.

Волгин попытался расстегнуть ворот своей штормовки, потянул правый рукав и внезапно резко вскрикнул сквозь зубы, согнувшись пополам. Лицо его побелело.

— Арсений? — я мгновенно отставила чай на капот.

— Ерунда... Мышцу потянул в подвале, — прохрипел он, пытаясь выпрямиться, но правое плечо неестественно обвисло, а ключичный конец приподнялся под тканью куртки.

— Не мышцу, — я осторожно коснулась пальцами его надплечья через ткань. Он глухо зашипел от боли. — Подвывих акромиально-ключичного сочленения. Ты на лестнице, когда сорвался, всем весом на суставе повис. Бегом в процедурную.

Михалыч, жуя горячий пончик из бумажного кулька, с доброй усмешкой подмигнул в усы:

— Ты гляди, Арсюха, девчонка-то глаз-алмаз имеет. Не спорь с доктором, марш на перевязку!

В ординаторской мы быстро разложили карты. Я вывела четким почерком: «Декомпрессия напряженного пневмоторакса справа во втором межреберье по среднеключичной линии иглой G14 с лепестковым клапаном». Достала свой синий штамп. Оттиск «Врач Мельникова К.В.» лег рядом с жирным штампом «Врач скорой помощи Волгин А.Д.».

Арсений посмотрел на две синие печати, запечатавшие наш первый совместный вызов, и коротко кивнул:

— Сработались. Пошли в процедурку, пока смена не набежала.

Глава

4

В процедурном кабинете стояла утренняя тишина. Белый кафель блестел в косых лучах солнца, пахло хлорамином, сушеной ромашкой и медицинским эфиром.

Я подошла к умывальнику, смыла мылом дорожную пыль и попыталась левой рукой наложить стерильную салфетку на собственное правое предплечье. Рана от ржавого швеллера в подвале саднила, края припухли, бинт выскальзывал из неловких пальцев.

Дверь скрипнула. Волгин вошел без куртки, в темно-синей форменной футболке, обтягивающей широченную спину и мощные бугры плеч. Увидев мои бесплодные попытки, он нахмурился, подошел к манипуляционному столику, взял металлический пинцет и банку с перекисью:

— Сядь на кушетку, Мельникова.

— Я сама могу...

— Сядь, говорю.

Я послушно опустилась на клеенчатую кушетку. Арсений сел рядом на винтовой табурет. Его огромная фигура загородила окно. Он осторожно взял мою кисть левой рукой, повернул ладонью вверх. Его пальцы — огрубевшие, в мозолях от железа носилок и руля — держали мое запястье с пугающей, почти благоговейной аккуратностью.

Ватный тампон, пропитанный перекисью, коснулся раны. Белая пена зашипела на коже. От резкого жжения я невольно вздрогнула и прикусила губу.

Арсений мгновенно замер.

— Больно?

— Терпимо, — выдохнула я.

Он поднял глаза. Мы оказались на расстоянии полувздоха. За окном глухо гудели моторы в гаражах подстанции, в раковине с редким звоном падала капля из крана, пахло хлорамином и спиртом. Я видела каждую крапинку в его серых, глубоких зрачках, крошечный шрам у переносицы и пульсирующую жилку на виске. В его взгляде проступило обнаженное, тревожное мужское тепло, от которого по моей ключице пробежала волна мурашек, а дыхание сбилось.

Он сглотнул, словно очнувшись, и нарочито сухо проворчал:

— Если мой второй врач сляжет с флегмоной предплечья от ржавой проволоки, Рогов снимет с меня квартальную премию.

— Вы не умеете врать, Арсений, — негромко ответила я, глядя ему прямо в глаза. — Вам просто не все равно.

Его рука дрогнула, но он промолчал. Быстро наложил полоску стерильного бинта, зафиксировал края пластырем и поднялся:

— Твоя очередь.

Я заставила его сесть на кушетку и снять футболку.

На его торсе живого места не было: полосы старых осколочных шрамов на ребрах, круглый след от пулевого ранения под ключицей — эхо его службы военным врачом на Кавказе. Но правое плечо припухло: в области ключично-акромиального сочленения прощупывался выраженный отек и резкая болезненность.

— Суставная сумка растянута, кости целы, — констатировала я, доставая из шкафа широкий эластичный бинт. — Нужна тугая иммобилизация на трое суток.

Я встала вплотную к нему. Мои пальцы легли на его горячую, гладкую кожу, обводя контур широкой лопатки. Арсений сидел неподвижно, лишь под лопаткой напряженно вздрагивала широкая полоса мышцы, но я чувствовала, как под моими ладонями натягиваются стальные волокна, а его сердце колотится гулко и часто.

Я аккуратно наложила восьмиобразную повязку Дезо, прижимая согнутое предплечье к груди и фиксируя сустав:

— Рукой не дергать, тяжести не поднимать. На вызовах носилки носит Михалыч и фельдшеры.

— Еще чего, — проворчал он, но послушно позволил завязать узел.

В этот момент дверь распахнулась, и на пороге замерла Тамара Васильевна со стопкой чистых вафельных полотенец. Она окинула взглядом полураздетого Волгина, меня, стоящую вплотную к его груди, и опустила стопку на стол. На ее строгом лице появилась едва заметная, теплая усмешка:

— Гляди-ка... Волгин у нас ручной стал. Сидит, повязочки примеряет. Чудеса в решете на четвертой подстанции.

— Васильевна, не язви, — буркнул Арсений, натягивая футболку здоровой рукой.

— А я не язвлю, — старший фельдшер подошла к плитке и щелкнула тумблером кофеварки. — Кофе пейте, герои. Скоро дневные бригады явятся, начнется бедлам. Ты, дочка, молодец. Давно Арсюху никто в узде не держал.

Мы переглянулись с Волгиным. В утреннем воздухе процедурной больше не было холода.

* * *

К половине девятого утра коридоры подстанции заполнились шумом: хлопали двери, звенели ключи от наркотических шкафов, линейные врачи спорили у диспетчерской стойки.

Я зашла в раздевалку, чтобы повесить куртку. В самом дальнем углу комнаты стоял ряд старых железных шкафчиков с облупившейся серой краской. Шкафчик номер тринадцать был приоткрыт: сломанный почтовый замок болтался на одной заклепке. От сквозняка из приоткрытой двери на пол выпорхнул пожелтевший лист миллиметровки — старая кардиограмма с затухающей синусоидой.

Я наклонилась, подняла бумагу и машинально заглянула внутрь.

На верхней полке лежала форменная фуражка скорой помощи с потускневшей кокардой, старый латунный стетоскоп Littmann Classic и небольшая цветная фотография в простой деревянной рамке. На снимке улыбался молодой, светлый парень лет двадцати пяти с озорными карими глазами и фонендоскопом на шее. В углу рамки темнел кусочек черной шелковой ленты.

Под фотографией лежала записка, выведенная твердым почерком Волгина: «Игорек. Прости, что не успел».

За спиной раздался тяжелый топот. Дверь шкафчика с оглушительным грохотом захлопнулась от удара кулака.

Волгин стоял надо мной, тяжело дыша. Его лицо перекосила ярость, жилы на шее вздулись:

— Кто разрешил лазить в чужие вещи?! — прорычал он, вырывая листок ЭКГ из моих пальцев. Металлическая дверца прогнулась от его удара, штукатурка со стены посыпалась на пол. — Это не твой шкаф, Мельникова! Пошла вон отсюда!

Он круто развернулся и вылетел через запасной выход на наружную металлическую пожарную лестницу, ведущую на крышу подстанции.

Я не испугалась. Внутри поднялась горячая, упрямая волна. Я толкнула тяжелую железную дверь и вышла следом на продуваемую ветром площадку третьего яруса.

Ледяной ветер с реки рвал полы куртки. Внизу плескалась свинцовая вода, затянутая серыми клочьями тумана. Волгин стоял, вцепившись здоровой рукой в железные перила, и смотрел на речные перекаты. Пальцы его мелко дрожали, сигарета в зубах промокла от мороси.

— Арсений, хватит рычать на меня из-за чужих призраков, — сказала я, подходя вплотную к перилам и подставляя лицо колючему ветру. — Если мы напарники, прекрати вымещать на мне свою боль. Скажи правду в лицо.

Он замер, не поворачивая головы. Плечи его судорожно дернулись.

— Правду? — голос прозвучал сдавленно, с глухим надрывом. — Хочешь правду, доктор Мельникова? Это шкаф Игоря Соловьева. Моего фельдшера. Мальчишке двадцать шесть лет было. Два года со мной бок о бок отлетал. Душа парень был, на гитаре в ординаторской играл...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.